

«ИМПЕРСКИЙ АРХИВ» РОССИИ В РОМАНЕ ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС»

Роман Дж. Джойса «Улисс», известный как ярчайший образец высокого модернизма, рассматривается здесь в постколониальной перспективе, тем самым входя в новое направление критической теории конца XX – начала XXI вв. На примере семнадцатого эпизода «Итака» романа «Улисс» показана ключевая роль такого явления, как «имперский архив». Устанавливается прямая параллель архивных данных с географией как наукой и ее сжатой формой – картой, отражающей каждый отдельный фрагмент воображаемой структуры архива.

Ключевые слова: Джойс; Улисс; Россия; постколониальная критика; география; картография; морские пути; имперский архив.

В 1922 г. в Париже на английском языке вышел в свет уже успевший на шуметь роман ирландского писателя Дж. Джойса, «Улисс». Так случилось, что в этом же году было провозглашено Ирландское Свободное государство. Однако большую часть своих произведений Джойс создал в период, когда Ирландия входила в состав Великобритании. Все это, конечно, никак не влияет на единственно неизменный факт того, что «Улисс» Джойса – модернистский роман как по времени своего создания, так и по содержанию. Но с момента своего появления роман привлекал к себе внимание и рассматривался с точки зрения разных подходов, включая постмодернизм, деконструктивизм, учения Бахтина и Лакана, феминистскую критику и гендерные вопросы. Не составляет исключения и постколониальная критика, играющая важную роль в данном исследовании. В нашем понимании это литературоведческий подход, изучающий и объясняющий культурное наследие империализма и колониализма. Беря истоки в постмодернизме, постколониализм исследует как столкновение культур, вовлеченных в колониальный опыт, так и процесс деколонизации. Известно, что «постколониальная теория характеризуется отсутствием общей теоретической матрицы. В ней присутствует широкий спектр авторских моделей интерпретации феноменов колониализма, антиколониализма и постколониализма» [1. С. 161]. Считается, что постколониальная теория возникла в 1980-е годы под влиянием идей постструктурализма, но истинное начало ее развития обычно датируется выходом книги Э. Саида «Ориентализм» (1978). Постколониальная критика имеет дело с литературой тех стран, которые были или являются колониями. Она базируется вокруг основных концептов «непохожести» и «сопротивления». К постколониальной литературе чаще всего принято относить литературу бывших британских колоний в Карибском море, Африке и Индии. Большинство постколониальных писателей пишет на английском языке, и фокусируется на таких общих темах, как борьба за независимость, эмиграция, национальная индивидуальность и самоопределение, верность и детство. По сути постколониальный дискурс затрагивает культурную продукцию «англофонного и отчасти франкофонного мира», связанную «с бывшими британскими и французскими колониями, но зачастую переносит этот сугубо локальный опыт на весь мир, отыскивая определенные универсальные категории, которые разделяют все челове-

ские сообщества, пережившие колониально-имперский комплекс взаимоотношений» [2].

Долгое время постколониальные критики не замечали Джойса. Леонард Опп в своей вступительной статье «From high-modern aesthete to postcolonial subject. An introduction to the political transformation of Joyce studies» («От эстета высокого модернизма к постколониальному субъекту. Предисловие к политической трансформации исследований работ Джойса» (перевод мой. – С.С.) к книге «Joyce, Imperialism, & Postcolonialism» («Джойс, империализм и постколониализм»)) пишет, что существенную роль в этом сыграла канонизация Джойса как бесспорного представителя высокого модернизма, а его добровольное изгнание увело критиков от политической направленности его творчества. Роман «Улисс» всегда оценивали как аполитичный. На протяжении всего XX в. на Джойса смотрели как на высокомерного интеллектуала, не имеющего корней. Но и сам автор «Улисса» только поддерживал мысль о необходимости дистанцироваться от политики [3].

Однако существовала еще одна объективная тому причина – это отрицание Ирландии как постколониальной страны, несмотря на существование Республики. Популярные сборники избранных художественных произведений разных авторов, такие как «Антология постколониальной литературы Арнольда» (1996), рассказывая об Африке, Азии, Австралии, Канаде, Карибских островах, Новой Зеландии, Новой Гвинее и островах Тихого океана, игнорируют Ирландию [4]. Весьма краткие упоминания о ней содержатся в большинстве вводных книг по теории и практике постколониальной критики [5, 6]. Ни в одной из них не упоминается имя Джойса [3]. Читать Джойса как «деколониализированного писателя»¹ значило признать, что его историческая перспектива на финальных стадиях имперской эпохи совпадает с созданием текста, который тематически и формально задает вопросы структурам власти, от которой унаследовано письмо [Там же]. Этот факт был также началом процесса переосмысления места Джойса в контексте европейского модернизма особенно потому, что модернизм представляет привилегированную эстетическую сферу влияния империалистического европейского общества [7]. Осознание этого парадигматического сдвига сделало невозможным применение учеными постколониальных идей к Джойсу на протяжении целых десятилетий. Лишь спустя годы американ-

ские и европейские ученые начали применять постколониальное учение к европейским писателям, находившимся в политическом изгнании, среди которых оказался и Джойс. Но ряд критиков оспаривал право ирландцев быть включенными в категорию «постколониализма» наравне с писателями из стран, находящихся на большом расстоянии от своих европейских имперских угнетателей [3]. Существует также некоторая путаница в терминологии. Термин «белый постколониализм» использовался для авторов, которые вышли из «европейских национальных сообществ», исторически существовавших внутри колониальных условий, это Джеймс Джойс и Кэтрин Мэнсфилд. Дерек Аттридж и Мариори Хоуз вывели в заглавии своего сборника сочинений о Джойсе слово «полуколониальный» (semicolonial), чтобы обозначить его статус как человека, находящегося в особой пограничной ситуации, являющегося частью европейской культуры в целом и британской культуры в частности, космополита, владеющего европейскими языками, представителя городской культуры [8].

Так, начиная с 1990-х гг. в результате сдвига парадигмы в критической теории в сторону новых подходов, стало невозможным игнорировать такие аспекты творчества Джойса, как вопросы империи, национализма, колониализма и постколониализма, вместе определяемые как политические вопросы. В англоязычном литературоведении им посвящено значительное количество работ (Colin MacCabe, 1978, 1985, 2003; Hunt Hawkins, 1992; Enda Duffy, 1994; Vincent J. Cheng, 1995, 1997, 1998, 2000; Paul B. Armstrong, 1996; Derek Artridge and Majorie Howes, 2000; Jon Hegglund, 2008; Trevor Williams, 2008; Leonard Orr, 2008 и мн. др.). Леонард Орт, в частности, выдвигает ряд таких вопросов, как, например: квалифицирует ли сама Ирландия себя как «постколониальную» страну и, если это так, когда начинается это «пост-состояние»; где находится место Джойса в полемике, вызванной постколониальной теорией и дискурсом последнего десятилетия (первое десятилетие XXI в. – С.С.); какие полезные концепции, возникшие из постколониальной теории, кажутся наиболее продуктивными в работе с Джойсом? Предполагается, что фикциональные ситуации и персонажи в работах Джойса охватывают широкий спектр вопросов относительно империалистического, колониального и постколониального подходов, сами работы насыщены техниками, ассоциируемыми с постколониальной литературой: мимикрия (mimicry), гибридность (hybridity), присвоение (appropriation). Также Леонард Орт задумывается над тем, кем может являться Джойс: постколониальным писателем, постимперским субъектом или «колонизированным субъектом» в ссылке; может ли он быть националистом или антинационалистом или, возможно, разочаровавшимся революционером, оружием массового уничтожения которого является чрезвычайно экспериментальная и «не английская» проза; как его работы соотносятся с произведениями постколониальных писателей из других стран, написанными на других языках, принадлежащими другим традициям и колониальным историям; каким образом модернистский канон преобразован постколониаль-

ным учением и т.д.? Леонард Орт подчеркивает, что все это серьезные вопросы и на них еще не даны адекватные ответы.

Однако совершенно точно известно, что Джойс – эмигрант. Э. Саид придавал большое значение экспатриантам, так как ставил «под сомнение возможность внеинтеллектуального (физического) сопротивления имперскому и постимперскому дискурсам. Трагедия сопротивления – в копировании независимой национальной элитой имперских политических моделей, в превращении ее в «толпу диктаторов» [1. С. 164]. С его точки зрения противоположное и очень важное значение имеют интеллектуалы, находящиеся в эмиграции: «национальная элита материковая» находится в проигрыше, а «национальная элита нематериковая» оказывается «над ситуацией», так как она способна рассматривать ее «в интерпретации разных дискурсов (имперского, антиколониального, постколониального)» [Там же]. Этот момент очень важен для исследований работ Джойса как интеллектуала, находящегося в эмиграции, а потому пребывающего «над ситуацией». С.С. Хоружий в «Русском зеркале» пишет, что Джойс, предав «анафеме ирландскую жизнь, <...> в то же время зорко запоминает и тщательно берегает ее в уме, делая всю ее своим художественным предметом» [9. С. 18]. У А.К. Кубатиева в книге о Джойсе одним из основных мотивов, проходящим красной нитью, является мысль о том, что Джойсу, чтобы писать об Ирландии, нужно было уехать из Ирландии: «Джойс был достаточно честен сам с собой, чтобы признать, что его отъезд перевешивал все счеты с иезуитами и желание стать врачом. Он увеличивал расстояние между собой и родиной, чтобы понять ее через понимание чужого мира» [10]; «Изгнание, вернее, самоизгнание, окончательно сделало Джойса дублинцем» [Там же].

Так, подводя небольшой итог, можно сказать, что в зарубежном литературоведении существовала точка зрения, мешавшая изучению романа «Улисс» в свете постколониализма, о чем и свидетельствует Леонард Орт в 2008 г., заявляя при этом, что появилось достаточно много работ, уже опровергающих данную установку. А в английском издании «Улисса» 2010 г. Седрик Уотс во введении к роману, по-прежнему делая упор на модернизм, перечисляет все составляющие романа и называет «Улисс» разноплановой политической вещью, учитывая тот факт, что роман появился спустя три года после подписания Версальского мирного договора 1919 г., формального прекращения «Великой Войны» и через шесть лет после Пасхального восстания в Дублине. В связи с этим Уотс вспоминает слова национального лидера Патрика Пирса, заявившего в 1913 г., что кровопролитие очищает и освящает и что нация, которая расценивает его (кровопролитие. – С.С.) как окончательный ужас, уже успела потерять свою мужественность. В этом контексте роман «Улисс» убедителен благодаря акценту на значимости мира и пониманию того, что эта «мужественность» чаще всего агрессивна и опасна [11. Р. XXXII]. В романе представлены разные проблемы: с одной стороны, это антисемитизм, с другой – положение Ирландии и ирландцев, зависимых от англичан

и еще больше от религии, центр которой расположен далеко от родины – в Риме. Угнетенные ирландцы в свою очередь угнетают евреев, несмотря на то, что оба народа знакомы со страданием, преследованием и вынужденным изгнанием.

Явление постколониализма достаточно сложное, что можно утверждать исходя из разных его трактовок в литературоведении в целом, поэтому прежде чем говорить о постколониальных исследованиях работ Джойса в отечественной науке, закономерно задаться вопросом, как явления империализма, колониализма и постколониализма рассматриваются на постсоветском пространстве?

С.Е. Голубкина утверждает, что в течение долгого времени на колониализм смотрели, прежде всего, с экономических, политических и военных позиций. Советская историография разрабатывала методы экономической эксплуатации, стратегии колониального управления, практики военного завоевания территорий и национальных движений за независимость. «Вектор направлений мысли в этом проблемном поле значительно изменился с появлением постколониальной теории, выдвинувшей на первый план культурное и идеологическое измерение, что привело к пониманию колониализма как «системы дискурсивного осуществления власти» [12, 13]. В настоящее время в отечественной науке наблюдается существенный рост внимания к данной теме, что, как отмечается, связано с нехваткой «больших теорий» при осмыслении имперского опыта и изучении вопросов по истории колониальных империй» [14. С. 74].

Теория Э. Саида вызвала определенный интерес в нашей стране только в первом десятилетии XXI в. [Там же]. «В целом, в применении к российскому опыту, постколониальная теория позволила выявить некоторые новые ракурсы, задать новые вопросы и оказала влияние на методологию исследований, связанных с имперской проблематикой. Однако завоевать столь сильный авторитет, как это произошло в западной науке, у нее не получилось. На настоящий момент в России не сформировалось центров постколониальных исследований², а сам предмет только начинает входить в университетские программы (например, в РГГУ)» [12]. Основная причина данной ситуации может находиться в спорности приложения теоретических принципов, сформированных на опыте империй морского типа, к отечественной истории. Известно, что постколониальная теория на постсоветском пространстве воспринимается неоднозначно. Причинами этому служат: первое – то, что постколониальные концепты и методологии дают сегодня возможность ставить новые вопросы и открывать новые ракурсы в исследовании «имперской проблематики и феномена колониализма»; второе – существуют определенные ограничения или опасности, появляющиеся при чрезмерно «прямолинейном перенесении теории, в основе которой – значительная географическая дистанция между колонизатором и колонизованным, на опыт советской / российской империй», что с необходимостью ведет к переоценке первоначальных теоретических установок и замедлению институционального развития [Там же]. Нечто подобное происходит и в

масштабах отечественного литературоведения относительно применения постколониальной теории в исследовании работ Джойса и особенно его романа «Улисс». Но вектор уже задан: Е.Г. Фоменко затрагивает вопрос постколониализма относительно лингвотипологических свойств «Поминок по Финнегану» (2007); Т.С. Жилина информирует об исследованиях творчества Джойса в англоязычном литературоведении с точки зрения нового историзма, колониализма и постколониализма при изучении романа «Портрет художника в юности» (2008); Е.Ю. Чемякин упоминает имя Джойса в связи с его влиянием и влиянием других европейских писателей на творчество Салмана Рушди в постколониальном ключе при исследовании историко-культурных вопросов (2012). Но до сих пор вопросы империализма, колониализма и постколониализма в творчестве Джойса в отечественном литературоведении подробно не изучались.

Хотя следует отметить, что русский переводчик «полного» «Улисса» С.С. Хоружий в комментариях к роману достаточно подробно затрагивает вопросы ирландского национализма и идейного противостояния Англии и Ирландии как один из двух центральных конфликтов книги, что вполне логично для освещения романа, написанного на английском языке ирландцем, покинувшим родину. Однако напрямую идеи колониализма и постколониализма у Хоружего не звучат. Здесь надо иметь в виду другое – Джойсов способ изложения материала. Приведем достаточно большую цитату из «Комментария» С.С. Хоружего к «Улиссу», так как считаем ее необходимой для дальнейшого рассмотрения вопроса: «В отличие от старых романов, автор “Улисса” желает не просто “поведать историю”, хотя бы и поучительную. Он смотрит иначе на литературное дело. У него многое найдется поведать – о человеке, о жизни, об искусстве, но он убежден: все по-настоящему важное литература доносит, не «рассказывая историю» и не вкладывая «идейное содержание», а уже самую свою формой, письмом, способом речи – *тем, как все говорится*. На это читатель Джойса и должен направить внимание. Русский читатель привык к серьезным книгам, но он привык, чтобы они учили и проповедовали. Здесь же надо не столько внимать идеям, сколько всматриваться и вслушиваться в текст. <...>. Это значит, что читатель должен быть не пассивным, а активным, не учеником автора, а самостоятельным соучастником в событии текста» [15. С. 779]. Далее Хоружий приводит в пример Мартина Хайдеггера, который советует для понимания своих текстов «следить за ходом показыванья».

Так, в англоязычной критике Джойс как символ высокого модернизма сегодня стал символом литературы против империи. В романе «Улисс» в аспекте колониализма и национализма принято анализировать такие эпизоды, как «Телемах» (1), «Циклопы» (12), «Цирцея» (15), в которых открыто рассматриваются вопросы британского империализма и ирландского национализма. Семнадцатый эпизод «Итака» никогда не привлекал внимания критиков в колониальном ключе, так как напрямую не обращался к вопросу колониальных отношений Великобритании и Ирландии. Ситуация начинает меняться в начале 1990-х гг. в ан-

глагозычной критике: Леонард Орр указывает на 1994 г. как на точку отсчета в изучении творчества Джойса в постколониальной перспективе [3. Р. 5], тогда как в России первая полная книжная публикация романа «Улисс» состоялась в 1993 г. В этом же 1993 г. выходит в свет книга американского исследователя Томаса Ричардса, изучавшего тексты Р. Киплинга, Э. Чайлдерса, Г. Уэлса и Б. Стокера: «The Imperial Archive: Knowledge and the Fantasy of Empire» (Имперский архив: знания и иллюзии империи (перевод мой. – С.С.)). Позже Джон Хегглунд, занимающийся исследованием творчества Джойса, использует идею «имперского архива» в своей работе «Hard Facts and Fluid Spaces³. “Ithaca” and the Imperial Archive» («Неопровержимые факты и изменчивые пространства. “Итака” и имперский архив» (перевод мой. – С.С.)); данная работа была опубликована в книге, вышедшей под редакцией Леонарда Орра в 2008 г.). Эта идея берет начало в XIX в., когда Британия превращается в первое в истории информационное общество, накопившее знания из отдаленных уголков своей империи раньше, чем оно могло его усвоить. Стремительный информационный поток поставил перед Британской империей колоссальную административную задачу, для решения которой викторианские должностные лица проводили съемки, переписи, создавали карты и занимались статистикой. В результате этой деятельности был получен новый симбиоз знания и силы, а художественные тексты конца XIX в. были полны иллюзий об империи, объединенной не силой или гражданским контролем, а информацией. Викторианская организация знания была завербована на службу Британской империи: такие области знания, как биология, география и геология, были привлечены к решению задач государственного уровня [16]. Ричардс доказывает, что техники, придуманные для управления этого информационного взрыва, установили непреходящую связь между знанием и государством; они же предложили новое яркое мощное направление для развития романа [Там же].

Один из повторяющихся мотивов в изучении европейского империализма – вопрос взаимодействия географии, знания и силы (Said 1978, 1994; Driver 1992; Edney 1997). В процессе роста имперского доминирования Великобритании в XIX в. управление колониальными территориями осуществлялось систематизацией и контролем знания. Хегглунд указывает на то, что Томас Ричардс определял «имперский архив» как общую сумму знаний об империи, включавшую такие разнообразные формы, как путевые заметки, полевые наблюдения, карты, административные записи, результаты научных экспериментов и другие документы [17]. Согласно Ричардсу, «имперский архив» представляет собой воображаемую конструкцию, внутри которой собирается любая информация, записываются все данные; каждый отдельный образец этой структуры должен занять свое место. Несмотря на то, что «имперский архив» – это утопический образ, чьи реальные проявления фрагментарны и размещены в определенных институциональных пространствах, таких как музеи, государственные ар-

хивы, профессиональные сообщества, он является руководящей идеей империи, благодаря своей способности обеспечивать концептуальную целостность большому объему информации [17]. Ключевым компонентом имперского архива является отдельный, индивидуальный факт. В воображаемой структуре архива каждый отдельный факт функционирует как «сырое знание, ожидающее порядка». Изолированный факт – это просто часть информации, но сама идея архива обещает, что эти изолированные фрагменты информации могут быть собраны и структурированы в полную, исчерпывающую систему знания [Там же].

Архив, таким образом, представляет собой эпистемологическую форму форм, предлагая путь для каждого отдельного наблюдения и артефакта, чтобы войти в «общее тело знания», которое позже может быть мобилизовано как культурная сила на службе колониального закона. Несмотря на то, что имперский архив является, в конечном счете, утопией, его существование невозможно рассматривать без ссылки на реально существующую географию. География обеспечивает пространственное поле, в которое попадают разнородные данные архива и, таким образом, приобретают первостепенное значение в организации и репрезентации информации о колониальном пространстве [Там же]. В семье имперских наук география занимает главенствующее место [18]. Для географов архивный идеал индивидуального, недвусмысленного знания заключается в первичном требовании географии как науки представлять реальный мир. Целью географии считается производство корпуса данных, который постоянно растет и корректирует себя, чьей важной целью является охват и дублирование реального мира [19]. Наиболее удобной и сжатой формой географического архива является карта. Каждый фрагмент данных, каждое наблюдение и каждое описание, таким образом, имеют свое собственное место на карте. Каждый отдельный фрагмент данных в имперском архиве может быть размещен на своем географическом месте посредством картографии. Так, слово «карта» совершенно не случайно означает не просто репрезентацию географического пространства, но любую визуальную или концептуальную иерархию или систематизацию знаний. Начиная с XVII в. карты рассматривались как воплощение энциклопедического знания, они определяли саму империю, давали ей территориальную целостность и ее основное существование. Но карты были не только нейтральной репрезентацией имперской территории; они преобразовывали многообразие и хаотичность отдаленных колониальных территорий в безупречную сетку координат абстрактного пространства, пользуясь общим языком широты и долготы [17].

География как дисциплина и ее соответствующие картографические репрезентации предлагали самое убедительное доказательство того, что имперский архив отображал существование полного и позитивного знания о мире. «Научный» поворот в картографии, который опирался на тщательно записанные наблюдения и математическую точность, не давал места конфликтам или спорам. Карты XIX в., основанные на данных картографического агентства «The

Irish Survey», продолжали оставаться «официальными» картами Ирландии достаточно долгое время после приобретения независимости. Большинство карт, массово выпускаемых с 1850-х по 1920-е гг., основывались на этих данных, включая те карты, которые присоединялись к дублинскому изданию справочника Тома 1904 г. – «Thom's Official Directory», легендарному источнику топографической детали в «Улиссе».

Несмотря на то, что карты Дублина в справочнике Тома достоверны и идеологически нейтральны, их фактически источником была имперская съемка колониального пространства. Этот факт важен не потому, что использование Джойсом этих карт каким-то образом вовлекает его в ситуацию колониального господства над его собственной страной, но потому, что «Улисса» часто читают в соответствии с пространственными предположениями, установленными картографией эпохи XVII–XIX вв., согласно которому все географическое знание вмещается в один полный архив, а каждый географический факт внутри архива эмпирически позитивен, существует вне наблюдателя и независим от условий наблюдения [17].

Предполагая, что мир может быть воспроизведен как серия бесспорных и разрозненных фактов, «Итака» принимает форму «имперского архива» – воображаемой репрезентации идеального хранилища знаний, посредством которого разнородные данные об империи могут быть в любой момент востребованы и систематизированы.

«Итака» фиксирует все события в форме вопросов и ответов (катехизис): это возвращение Блума и Стивена в дом Блума; «незаконное проникновение» Блума в дом; чашка какао, которую выпивают Блум и Стивен; уход Стивена; обмен словами между Блумом и Молли; а также размышления Блума перед сном. Так, данный эпизод представляет собой уход из общественной сферы политики, культуры и истории в семейную сферу как пространство, часто скрытое от внимания постколониальной критики и теории. Кроме этого, «Итака» часто анализируется с точки зрения своей формы. Действительно, 17-й эпизод всегда рассматривался со ссылкой на его стиль или отсутствие такового. Фактуализм «Итаки» часто принимают за чистую монету, отказываясь признавать, что очевидный антистиль эпизода является еще одним стилистическим выбором. Однако если допустить, что «Итака» имеет свой особый стиль и формат, как и все остальные эпизоды «Улисса», то, как считает Хегглунд, необходимо внимательно присмотреться к политике ее формы. «Объективной» организацией вопросов и ответов эпизод представляет собой хранилище нейтральных фактов, не опосредованных каким-либо субъективным восприятием или очевидной пародией. Подобной организацией повествования как серии несвязанных эмпирических фактов «Итака» имитирует структуру, посредством которой знания о колониальных территориях организовывались и распространялись в пределах Британской империи в XIX и начале XX в. [Там же].

Любой источник информации, любое наблюдение или описание имеют свое собственное место на карте, что прослеживается и в «имперском архиве» Джойса,

т.е. в «Итаке». Вопрос, открывающий эпизод, нацелен на фиксацию двух главных персонажей на карте Дублина. Голос эпизода вопрошает: «Какими параллельными курсами следовали Блум и Стивен на обратном пути?» [20. С. 650]. Хотя, буквально говоря, речь идет о короткой прогулке двух героев из сцены в предыдущем эпизоде, этот вопрос фактически сводит предыдущие шестнадцать эпизодов к их структурному существу: маршруту движения двух главных героев на протяжении целого дня [17]. Голос архива дает ответ языком, обнажающим все побочные линии сюжета, предоставляющим едва ли не все возможные детали обсуждаемого предмета. Он уменьшает и уравнивает обоих героев до движущихся точек на двухмерной карте Дублина: «Тронувшись совместно, нормальным прогулочным шагом, с Бересфорд-плейс, они проследовали по Нижней и Средней Гардинер-стрит и по Маунтджой-сквер, в указанном порядке, на запад; затем, замедленным шагом, оба забирая влево, по ошибке через Гардинерс-плейс до самого угла Темпл-стрит; затем, замедленным шагом, с остановками, забирая вправо, по северной стороне Темпл-стрит до Хардвик-плейс» [20. Р. 650]. Так, в начале эпизода у читателя может возникнуть вопрос: зачем голосу вопрошающему нужно знать такие конкретные вещи о двух скромных дублинцах? И кем могли быть эти два таинственных собеседника? Существует предположение, что форма «Итаки» напоминает «отчет полицейского расследования с типовыми ответами» – запись дознания, которое могло иметь место быть, например, в комнате для ведения допросов в местном полицейском участке на «Store Street», мимо которого Блум и Стивен прошли в предыдущем эпизоде [21]. В то время как модель полицейского расследования работает не на всем эпизоде, организация знания в этом эпизоде тем не менее имеет особое всеобъемлющее или всевидящее чувство, так как исходные вопросы предлагают связь между обладанием знанием и упражнением власти [17].

Архив «Итаки» содержит информацию и о России, которая представлена в полном согласии с механизмом допроса в полицейском участке. Голос эпизода интересуется о последнем зрительном впечатлении, которое сообщилось Блуму посредством зеркала. Голос архива сообщает, что это были беспорядочно расположенные книги, идущие не по алфавиту. Предлагалось составить каталог этих книг, в перечень входила «История русско-турецкой войны» Хозьера⁴, прилагались подробные данные по этому изданию, напоминающие библиотечные или аукционные сведения (коричневый переплет, два тома, с ярлычком Гарнизонной библиотеки, Губернаторская площадь, Гибралтар, на обороте обложки). Всего беспорядочно лежащих книг было двадцать две.

Что вызвало в сознании Блума это видение? – Необходимость порядка, все должно находиться на своих местах. Какое издание было самым большим по объему? – «История русско-турецкой войны» Хозьера.

«Что находилось во втором томе указанного сочинения наряду с прочими сведениями?» [20. С. 696] – Название решающей битвы было забыто, но майор

Твиди, отец Молли Блум, после амнезии сумел восстановить ее название, Плевна.

На этом ссылка на Россию в данном эпизоде заканчивается, но при необходимости каждый может восстановить события, упомянутые в «архиве» Джойса: Плевна, город на севере Болгарии, расположенный в 35 км от Дуная. Плевна была превращена турками в сильно укрепленный район и представляла большую опасность, так как находилась в 60 км от переправ через Дунай. Русская армия воевала на стороне союзных ей балканских государств⁵.

Если сложить немногочисленные русские аллюзии, рассеянные по всему тексту «Улисса», так или иначе связанные с морскими путями, то образуется личный «имперский архив» России, где текст «Улисса» – своеобразная «Итака» всего романа, а русские аллюзии – серия несвязанных эмпирических фактов, создающих имперскую структуру России, являвшейся частью имперской системы мира. Архив России представлен разнородными данными, география примеров организует колониальное пространство России, и если нанести на карту указанные точки, становится очевидно, что все примеры так или иначе связаны с водными путями:

Впервые в тексте «Улисса» русская аллюзия появляется в 4-м эпизоде: «Знаете, для японцев русские – только закуска к завтраку» [20. С. 60]. Речь идет о русско-японской войне: в январе 1904 г. японские корабли напали на русскую эскадру, стоявшую на рейде Порт-Артура. В декабре 1904 г. Порт-Артур пал. В феврале 1905 г. произошел разгром русской армии. Военные действия проходили в Желтом море и велись за контроль над территорией Маньчжурии и Кореи.

Первая точка на карте – **Порт-Артур, Желтое море.**

В этом же 4-м эпизоде есть упоминание о Плевне. Название болгарского города возникает в связи с отцом Молли, офицером британской армии. Есть вероятность, что он имеет отношение к русско-турецкой кампании, и именно поэтому Молли Блум достался в наследство двухтомник об истории этой войны.

«По части денег старик Твиди кремень. Да, сэр. Было дело под Плевной. Я вышел из рядовых, сэр, и горжусь этим» [Там же. С. 59].

Вторая точка на карте – **Плевна, Дунай, выход в Черное море.**

Следующая аллюзия находится в 7-м эпизоде.

Стивен Дедал заходит в редакцию, в офисе которой находятся его знакомые. Его и еще одного молодого человека, шутя, обвиняют в убийстве генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобрикова, проводившего политику русификации Финляндии. По этой причине он был непопулярен в среде финских националистов и революционно-либеральной общественности России. 15 (3) июня 1904 г. он был смертельно ранен в Гельсингфорсе (Хельсинки).

Третья точка – **Хельсинки.** Город расположен на берегу **Финского залива Балтийского моря**, в описываемое в романе время это территория Российской империи.

16-й эпизод. Считаю необходимым привести пример из оригинала, так как перевод С.С. Хоружего

смягчает всю ситуацию в целом, игнорируя параллельную конструкцию автора. Пример представляет собой слова моряка в кучерской чайной о его морских путешествиях: «I was (выделено мной. – С.С.) in the Red Sea. I was in China and North America and South America. I **seen** (выделено мной – С.С.) icebergs plenty, growlers. I was in Stockholm and the Black Sea, the Dardanelles, under Captain Dalton <...>. I **seen** Russia. *Gospodi pomilooy*. That's how the Russians pray» [22. P. 535].

Подстрочный перевод: Я *был* в Красном море; *был* в Китае и Северной Америке и Южной Америке; я **видел** айсбергов много, небольших айсбергов; я *был* в Стокгольме и (на) Черном море, Дарданеллах, под капитаном Долтоном <...>; я **видел** Россию. Господи помилуй. Вот так русские молятся.

Перевод С. С. Хоружего: «На Красном море я *был* (выделено мной. – С.С.). В Китае я *был*, в Северной Америке *был*, в Южной тоже. Айсбергов **перевидал** (выделено мной. – С.С.) тьму, ледяных гор этих самых. Ходил и в Стокгольм, и в Черное море через Дарданеллы с капитаном Долтоном... В России *был*. Гоусподьи помилую. Это русские так молятся» [20. С. 605].

Айсберг для мореплавателей всегда расценивается как потенциальная угроза, то же чувство, вероятно, вызывает и Россия. В данном примере любимая Джойсом форма имеет свое содержание: параллельная конструкция с глаголами *был* и **видел**, уравнивает айсберги и Россию либо как угрозу, либо как заморскую диковинку. В переводе данного отрывка у Хоружего уравнивание России с айсбергом опущено, Россия находится на одном уровне с другими географическими точками.

В этом же 16-м эпизоде моряк показывает свою татуировку: «Видя, что все рассматривают его грудь, он ради их удобства распахнул рубаху еще пошире <...>. – Наколка, – комментировал демонстратор. Это когда мы стояли в штиль у Одессы на Черном море, с капитаном Долтоном» [Там же. С. 612].

Четвертая точка – **Одесса, Черное море, Российская империя.**

Русская аллюзия из 12-го эпизода не ставит метки на карте, но представляет собой квинтэссенцию всего связанного с Россией в тексте «Улисса». Действие эпизода происходит в таверне, и это именно тот эпизод, где вопросы империализма и национализма ставятся Джойсом открыто. Присутствующие в таверне дублинцы, преимущественно ирландцы рассуждают об ухудшении экономики в стране и мире, упоминаются военные действия британцев на море, но в данном высказывании вся вина возлагается на Россию: «Я полагаю, акции поднимаются <...> Войны за границей, вот что всему причина! <...> Всё русские, так и рвутся тиранить» [Там же. С. 318]. И это ключевая мысль, в которой зафиксировано по С.С. Хоружему обычное западное «отношение к Российской Империи, усиленное русско-японской войной» [15. С. 891].

Делать окончательные выводы относительно «имперского архива» России в романе Джойса рано, и ключевая идея архива как такового, предусматривающая хранение информации и ее более позднее использование, позволяет не спешить с выводами, ведь в воображаемой структуре архива каждый отдельный

факт функционирует как «сырое знание, ожидающее порядка». Но вспомним слова Хайдеггера «следить за ходом показывания»: при всей энциклопедической разрозненности архива перед нами возникают на первый взгляд ничем не связанные примеры о России, представляющие в «Улиссе» часть Российской империи в виде сжатой формы географического архива – карты или визуальной систематизации знания, актуальной на начало XX в. Примеры показывают ту часть империи, которая имеет выход к морю, благодаря чему Россия становится частью «некоторого единого Большого Текста» [15. С. 785]. Противопоставление моря и суши у Джойса создает третье пространство, характеризующееся эпистемологической неопределенностью или подвижностью, характерной для архива «Итаки». Предназначение архива есть материализация информации в защищенных, ограниченных пространствах, таких как библиотеки или музеи; архив должен был быть безопасным домом для знания; утопией, которая могла бы сохранить проявления мира, даже если этот мир уже распался. Но Джойс в «Итаке» напоминает нам, что символы, используемые для фиксирования мира в логичном образе, будь то словесный или графический образ, повествование или карта, никогда не бывают ограниченными и закрытыми, как бы этого от них ни ожидалось. За пределами герметично запечатанного мира архива существуют места, в которых происходит борьба истории и географии и где факты отказываются сохранять свою форму [17]. Поэтому рассуждая о дискретных фактах, можно сказать, что их природа амбивалентна. Собирая факты, Джойс не дает однозначных оценок, как в примере с историей русско-турецкой войны. Неизвестно, как интерпретировать данное упоминание о России, ведущей войну с другим государством, насколько эта война имеет оправдывающие мотивы или напротив – выражает агрессию, если автором книги является полковник британской армии и в недалеком будущем тесть премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, Сэр Генри Монтэгю Хозьер. Или пример с убийством генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова, русского генерала, проводившего политику русификации Финляндии –

Джойс не видел смысла в политическом конформизме, но «не мог одобрить революционера, швыряющего бомбу в театр, чтобы убить царя и всех его детей» [10]. Неоднозначен и пример из 12-го эпизода, в котором особенно ярко демонстрируется яростный национализм: Россия – империя, но почему в проблемах ирландцев виновата именно она?

Также примечательно то, что Россия не является империей морского типа. Однако выходы России к морю и попытка завоевать еще один выход (Желтое море) в указанный период все-таки были зафиксированы. Вероятно, это подтверждает мысль о том, что доминирование на море было признано важным компонентом национальной мощи; море концептуально и метафорически превратилось в продолжение земли [17]. Российское государство также видело насущную необходимость морских путей для своего существования. Вода имеет больше, чем просто символическое значение в контексте «Улисса»: она обладает действительным геополитическим и историческим значением в истории Британской империи. Для идеологов Британского имперского экспансионизма геополитический контроль воды был ключевым элементом в росте и поддержании имперской мощи. В качестве мировых сухопутные пространства мира все больше и больше привязывали к той или иной имперской силе, море становилось жизненно важным театром геополитического соперничества [Там же. Р. 68].

Так, небольшой «имперский архив» Российской империи рубежа XIX–XX вв. в романе Джойса «Улисс» 1) сохранил образ уже исчезнувшей Российской империи описываемой эпохи и 2) указал на неоднозначность интерпретации каждого отдельного факта – его амбивалентность.

Одновременно с этим роман Джойса «Улисс», широко известный как высокий образец модернизма со свойственными ему чертами начала XX в., рассматривается здесь в имперской, колониальной и постколониальной перспективах, тем самым входя в отечественном литературоведении в новое направление критической теории конца XX – начала XXI в., в которой существенное место занимает понятие «имперский архив».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т.е. писателя, принадлежащего стране, некогда оккупированной страной-колониистом, и являющейся на данный момент независимой с признанием суверенитета.

² Международный журнал *Ab Imperio*, основанный в Нью-Йорке и Казани и являющийся ассоциированным членом Американской Ассоциации Содействия Славянским Исследованиям, и серия *Historia Rossica* созданы для представления малоизученных или ранее запретных тем в свете новых методологических подходов. Однако их нельзя назвать сегодня центрами постколониальных исследований в России.

³ В английской версии названия очевидна игра слов и семантическая оппозиция: твердые факты и жидкие места.

⁴ Сэр Генри Монтэгю Хозьер (1838–1907), автор двухтомника, полковник британской армии, корреспондент газеты «The Times», военный историк, отец Клементины Спенсер-Черчилль (1885–1977), дамы Большого Креста ордена Британской империи, жены премьер-министра Великобритании Уинстона Спенсер-Черчилля.

⁵ Осада Плевны – 1877–1878 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юрчук Е. А. Теоретические аспекты постколониальных студий // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. 2013. № 3. С. 161–166.
2. Глостанова М. В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизма // NB: Культуры и искусства. 2012. № 1. С. 1–64. DOI: 10.7256/2306-1618.2012.1.141. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_141.html.
3. Orr Leonard. From High-modern Aesthete to Postcolonial Subject. An Introduction to the Political Transformation of Joyce Studies // Joyce, Imperialism, & Postcolonialism / ed. by Leonard Orr. New York : Syracuse University Press, 2008. P. 1–11.
4. The Arnold Anthology of Post-Colonial Literatures in English / ed. by John Thieme. London : Hodder Education Publishers. 1996. 960 p.

5. Loomba Ania. *Colonialism/Postcolonialism*. New York : Routledge, 1998.
6. Bill Ashcroft, Gareth Griffiths, Helen Tiffin. *Key Concepts in Post-Colonial Studies*. London : Routledge, 1998.
7. Spurr David. Writing in the wake of empire // *Joyce and the Scene of Modernity*. MNL III (5). Gainesville : Univ. Press of Florida, 2002. P. 872–888.
8. Attridge Derek and Marjorie Howes. *Semicolonial Joyce*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000.
9. Хоружий С.С. *Улисс в русском зеркале*. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
10. Кубатиев А.К. Джойс. М. : Молодая гвардия, 2011. 479 с
11. Watts Cedric. Introduction. *Ulysses*. By James Joyce. Wordsworth Editions Limited : 2010. P. V–XLIX.
12. Голубкина С.Е. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований. 2015. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5850219/>.
13. Fisher-Tine H. Postcolonial Studies. *European History Online (EGO)*. Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2010-12-03. URL: <http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/postcolonial-studies>.
14. Цибенко (Иванова) В.В. Концепции постколониализма и посториентализма в применении к кавказской проблематике // *Метаморфоз vs Трансформация Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв. : материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону*. Ростов н/Д : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 74–86.
15. Хоружий С.С. Комментарий // *Улисс*. Джеймс Джойс. СПб. : Азбука-Классика, 2009. С. 779–984.
16. Richards Thomas. *The Imperial Archive: Knowledge and the Fantasy of Empire*. London : Verso Press, 1993. 188 p.
17. Hegglund Jon. Hard Facts and Fluid Spaces. «Ithaca» and the Imperial Archive // *Joyce, Imperialism, & Postcolonialism* / ed. by Leonard Orr. New York : Syracuse University Press, 2008. P. 58–74.
18. Avery Bruce. The subject of imperial geography // *Prosthetic Territories: Politics and Hypertechnologies* / ed. by Gabriel Brahm Jr. and Mark Driscoll. Boulder : Westview Press, 1995. P. 55–70.
19. Edney Matthew. Reconsidering Enlightenment Geography and Map-making: Reconnaissance, Mapping, Archive. *Geography and Enlightenment*, ed. Davis N. Livingstone and Charles W. J. Withers. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1999. P. 165–98.
20. Джойс Джеймс. *Улисс* / пер. В. Хинкиса, С. Хоружего. СПб. : Азбука-классика, 2009. 992 с.
21. Duffy Enda. *Subaltern Ulysses*. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1994. P. 181.
22. Joyce James. *Ulysses*. Wordsworth Editions Limited, 2010. 682 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 мая 2017 г.

THE “IMPERIAL ARCHIVE” OF RUSSIA IN JAMES JOYCE’S *ULYSSES*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 82–90.

DOI: 10.17223/15617793/420/11

Svetlana N. Stepura, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Lana3670@rambler.ru; stepura@tpu.ru

Keywords: Joyce; *Ulysses*; Russia; postcolonial criticism; geography; mapping; sea ways; imperial archive.

The article examines the novel *Ulysses* (1922) of the Irish writer James Joyce in the light of the postcolonial theory which has become a major theme in Anglophone literary criticism for the last four decades. The interest of Russian literary critique in postcolonial readings is only beginning to manifest itself. Within the mentioned period of about forty years *Ulysses* has been subjected to analysis in terms of the most diverse literary approaches but having been the highest manifestation of modernism it appeared to be hidden from postcolonial reflection. Besides, Ireland was considered to be the country without any colonial experience. Since the mid-1990s in Anglophone literary criticism the view on Joyce as a modernist writer has changed; however, attention was initially paid to the episodes that openly considered the issues of British imperialism and Irish nationalism. The 17th episode “Ithaca” which is in the spotlight of postcolonial readings today does not directly address the colonial relations between England and Ireland due to its retreat to the family sphere. The change in the perspective is owing to the form of Ithaca which reproduces catechism or school textbook. It also fits the definition of the “imperial archive” known to be the structure that organizes knowledge into a series of discrete experiential facts about the empire. Though the “archive” is an imaginary construction, its existence is impossible without any reference to real geography. It therefore includes travel notes, maps, administrative records or other documents that are to be stored in certain institutional spaces such as museums or Public Record Offices. The compressed form of the geographic archive is the map as a visual systematization of knowledge. Each separate piece of data in the “imperial archive” can be placed on its geographical location by means of cartography. The “Ithaca” archive contains information about Russia thereby including it into the world system. The Russian allusions of *Ulysses* which create the imperial structure of Russia seem to be a series of absolutely unrelated empirical facts having been united by waterways. Sea dominance was recognized to be an important component of national power and the sea conceptually and metaphorically turned into a continuation of the land. The examples of geography focused on the border between the sea and the land organized the colonial space of the Russian Empire of the early 20th century. So, the “archive” had to become a safe house for knowledge; a utopia that could preserve the materializations of the world even if this world has already disintegrated. But Joyce in “Ithaca” shows that the symbols which are used to fix the world in a logical image whether narrative or map are never limited and closed. Outside the hermetically sealed world of the archive there are places in which the struggle of history and geography takes place and where the facts refuse to maintain their form.

REFERENCES

1. Yurchuk, E.A. (2013) Teoreticheskie aspekty postkolonial’nykh studiy [Theoretical aspects of postcolonial studies]. *Vestnik MGLU. Seriya 1. Filologiya*. 3. pp. 161–166.
2. Tlostanova, M.V. (2012) Postcolonial Theory, Decolonial Choice and Liberating Esthesis. *Man and Culture*. 1. pp. 1–64. DOI: 10.7256/2306-1618.2012.1.141. [Online] Available from: http://e-notabene.ru/ca/article_141.html. (In Russian).
3. Orr, L. (2008) From High-modern Aesthete to Postcolonial Subject. An Introduction to the Political Transformation of Joyce Studies. In: Orr, L. (ed.) *Joyce, Imperialism, & Postcolonialism*. New York: Syracuse University Press.
4. Thieme, J. (1996) *The Arnold Anthology of Post-Colonial Literatures in English*. London: Hodder Education Publishers.
5. Loomba, A. (1998) *Colonialism/Postcolonialism*. New York: Routledge.
6. Ashcroft, B., Griffiths, G. & Tiffin, H. (1998) *Key Concepts in Post-Colonial Studies*. London: Routledge.
7. Spurr, D. (2002) Writing in the wake of empire. *Joyce and the Scene of Modernity*. MNL III (5). pp. 872–888.
8. Attridge, D. & Howes, M. (2000) *Semicolonial Joyce*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Khoruzhiiy, S.S. (2015) *Ulyss v russkom zerkale* [Ulysses in the Russian mirror]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
10. Kubatiev, A.K. (2011) *Dzhoys* [Joyce]. Moscow: Molodaya gvardiya.

11. Watts, C. (2010) Introduction. In: Joyce, J. *Ulysses*. Wordsworth Editions Limited.
12. Golubkina, S.E. (2015) *O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya postkolonial'nykh issledovaniy* [On some trends in the development of postcolonial research]. [Online] Available from: <http://www.studfiles.ru/preview/5850219/>.
13. Fisher-Tine, H. (2010) *Postcolonial Studies*. [Online] Available from: <http://ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/postcolonial-studies>.
14. Tsibenko (Ivanova), V.V. (2013) [Concepts of postcolonialism and post-imperialism in application to the Caucasian problems]. *Metamorfoz vs Transformatsiya: Mul'tidistsiplinarnyy podkhod k izucheniyu istorii adygov v XIX–XXI vv.* [Metamorphosis vs Transformation: A multidisciplinary approach to the study of the Adygs' history in the 19th–21st centuries]. Proceedings of the international conference. Rostov-on-Don. 6 December 2013. Rostov-on-Don: SFU. pp. 74–86. (In Russian).
15. Khoruzhiy, S.S. (2009) Kommentariy [Commentary]. In: Joyce, J. *Uliss* [Ulysses]. Translated from English by V. Khinkis, S. Khoruzhiy. St. Petersburg: Azbuka-Klassika.
16. Richards, Th. (1993) *The Imperial Archive: Knowledge and the Fantasy of Empire*. London: Verso Press.
17. Hegglund, J. (2008) Hard Facts and Fluid Spaces. “Ithaca” and the Imperial Archive. In: Orr, L. (ed.) *Joyce, Imperialism, & Postcolonialism*. New York: Syracuse University Press.
18. Avery, B. (1995) The subject of imperial geography. In: Brahm Jr., G. & Driscoll, M. (eds) *Prosthetic Territories: Politics and Hypertechnologies*. Boulder: Westview Press.
19. Edney, M. (1999) Reconsidering Enlightenment Geography and Map-making: Reconnaissance, Mapping, Archive. In: Livingstone, D.N. & Withers, Ch.W.J. (eds) *Geography and Enlightenment*. Chicago: University of Chicago Press.
20. Joyce, J. (2009) *Uliss* [Ulysses]. Translated from English by V. Khinkis, S. Khoruzhiy. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
21. Duffy, E. (1994) *Subaltern Ulysses*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
22. Joyce, J. (2010) *Ulysses*. Wordsworth Editions Limited.

Received: 08 May 2017